

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СУЩНОСТЬ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА ЖИТЕЛЕЙ КУБАНИ (НА ПРИМЕРЕ МИКРОПОЛЯ «КРОВНЫЕ РОДСТВЕННИКИ»)

Часть 2

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина

Ключевые слова: когнитивная диалектология, диалектная картина мира, концептуальное микрополе «Кровные родственники», этнокультурная специфика, кубанские говоры.

Keywords: cognitive dialectology, dialect world view, conceptual microfield “Blood relatives”, ethnocultural specifics, Kuban dialects.

DOI 10.14258/filichel(2022)2–06

Данная статья продолжает исследование, начатое ранее [Борисова, Костина, 2022, № 1]. Обратимся к рассмотрению диалектных номинаций матери в кубанских говорах (далее — КГ), представляющих собой серию лексических единиц (далее — ЛЕ) с корнями МАТ- и МАМ-: *ма́мця, ма́тер / ма́терь, ма́ты, ма́те [э], (ласк.) мату́ся*. В традиционной кубанской семье на матери держится домашний быт, сельскохозяйственная работа, ее жизнь полна забот и волнений. Подтвердим эту мысль высказыванием информанта: *Жэ́нщина, ана́ жына́, мать, на ие плича́х фсе хазя́йства, а вин, казацу́ра, он вою́е, слу́жыть* (Славянск-на-Кубани). В записанной в станице Старомышастовской пословице *Дивча́та шьють и спива́ють, а ма́тэ по́рэ и пла́че* жизнь матери, взрослой замужней женщины, противопоставляется беспечности молодых девушек, ее дочерей (см. также: *Ма́тэ пла́че, а до́чка ска́че*).

Исследователь В. П. Чалов приводит пословицы *Мать свои́м де́тям по́крышка <все покро́ет, де так, де не так>; ба́бка вну́кам по́крышка*, происхождение которых ученый связывает с фразеологическими единицами (далее — ФЕ) *своя́ ха́та по́крышка* и *с ха́ты сор не выно́сят*, отражающих старинные верования [Чалов, 1981, с. 168]. В местных говорах зафиксирована паремия *Своя́ ха́тка — ри́дна ма́тка*, что позволяет выделить общие концептуальные признаки у понятий *мать* и *ха́та*: защита, тыл, опора в жизни.

Значимость родной матери в жизни ребенка и уже взрослого человека отражается в многочисленных фольклорных текстах. Так, в па-

ремии *Була́ сы́ла, як ма́ты на рука́х носы́ла* подчеркивается важность материнской поддержки и заботы. Без матери у человека тяжелая, горькая доля. Приведем высказывание информанта: *Ма́му нихто́ замини́ть ни смо́жыт, дивча́та. Нима́е у тэ́бэ ма́ты, нима́ тоби́ сви́ту* (станция Бородинская). Народная мудрость подчеркивает, что духовно мать ближе, чем собственные дети: *Но ди́ты ны тэ́, шо ри́дна ма́тэ* (станция Новомалороссийская). Только родная мать может поругать и пожалеть, наказать и простить: *Ма́ты одно́ю руко́ю бье, а друго́ю гла́дэ. Вона́ и поруга́е за ди́ло, и пожали́е* (станция Динская). *Ма́менька поруга́е, так оно́ и ни болы́ть* (хутор Братский). Бесспорная приоритетность матери по сравнению с отцом выражается в паремии *Отцо́в как псов, а мать одна́*. Прецедентные тексты эксплицируют яркую выраженность в менталитете носителей КГ образа матери как доброй, заботливой, справедливой, любящей, любимой и единственной.

В КГ зафиксированы зооморфные паремии, в основу которых положена общность материнских инстинктов, присущих всем живым существам. Приведем высказывание информанта: *Де́душка пры́йи хав на ху́тор горбо́ю на коро́ви. Посады́в нас на горбу́. Ма́ма пла́чуть. А мы ра́ди, шо в станы́цю йи́дым, пошти́ шо у го́рот. Нычего: цу́цыня́т забра́л, а су́чка хоть куда́ за цу́цыня́тами прыбежы́ть. Цэ́ така́ була́ погово́рка. И пра́вда, ма́мка скры́ню погрузи́ли, и так мы ста́ли в станы́ци жы́ть* (станция Старонижестеблиевская), см. также устойчивое сравнение *як ки́шка з кошы́нямы* «о матери, заботливо относящейся к детям»: *Ма́ты, вона́ як ки́шка з кошы́нямы: и в са́дик заво́дэ, и с са́дика забыра́е, и тяга́е его́* (станция Марьянская).

В народном сознании мать традиционно ассоциируется с землей-кормилицей, что свидетельствует об осмыслении через данный термин родства космогонической картины мира. Ср. пословицу в местной огласовке: *Ма́тэнька ко́рмэ дитэ́й як зэ́мля лю́дэ́й* (станция Старонижестеблиевская). Актуализация этого концептуального приращення с максимальной силой выражается в рассказах о стандартизированной бытийной ситуации, связанной с ролью матери в голодное время и пережитой многими диалектоносителями (ср. воспоминания информантов: *В го́лат пикли́ лату́тики... Либиду́ как нава́рим, а па́то́м мать пирижмет ие и пря́м на скаваро́тку, и ма́слица по́снава, и паджа́риваит лату́тики* (станция Архангельская). *А ма́ма яки́-ныбу́ть пля́цыки спичет из бурья́на и там муки́чка* (станция Васюринская). *Ма́ты ляпэ́ныков попэ́че на пэ́чи, и ото́ мы йимо́* (станция Дядьковская). *Ма́ма на пе́чки пикла́ ля́пки, пря́м на пе́чки* (станция

Копанская). *Тро́хи карто́хи, тро́хи маку́хи, кукуру́зу надирем крупу́, и ла́дичкав ма́ма напикеть* (станция Передовая). В КГ зафиксировано устойчивое выражение, равное по структуре предложению, *ма́ма сели́трой не полива́ла* «кто-л. имеет небольшой рост и вес», в котором в шутливой форме обыгрывается идея о том, что мать, как кормилица, отвечает за физическое состояние детей: *Муш у мэ́нэ такы́й ху́дэнькый бул, нэвили́ково ро́ста. Мы одина́кови. Я кажу́: «Тэ́бэ чи ма́ма сили́трой нэ полыва́ла, нэ растэ́ш, малы́й и малы́й»* (станция Старотитаровская). См. также: *Ище́ така́ погово́рка була́ча́сто, и нэ то́, шо там ма́ма, а други́лю́ды каза́лы: «Мини́на́до яйце́, мясце́, сальце́, бо у мэ́нэ дэты́нка сосэ́»* (станция Старотитаровская).

В рассказах многих диалектоносителей мать — умелица, рукодельница, *доде́ (и́) льни (ы) ца (я)*; ср., напр.: *Ма́ма и шы́ла, и ви́за́ла. Свя́жыть э́ти наски́, да павы́шы — пагаленки, э́та зна́чит дли́нныи наски́, го́линь* (станция Архангельская). *Ана́ в мать, мать у ние даде́льница: и шы́ет харашо́, и вя́жыт* (станция Архангельская). *Ма́ма мени́пэрэшы́ва́ла свои́плаття́ра́зны: рукава́збу́хтаю, внызу́зау́жаны (хутор Марьинский). Бы́ли краси́выи палате́нца. Асо́бинна мая́ма́ма, ана́харашо́виза́ла, вышы́ва́ла, ана́де́лала палате́нца краси́выи и ска́тирти. Ана́скатертя́из ни́так де́лала, ана́даде́льница, уме́ла харашо́фсе де́лать* (с. Новопавловка). *Ма́ма на вирстаке́пря́ла* (станция Новотитаровская). *Уминя́ма́ма и партна́я, и тка́ла* (станция Передовая).

Информанты часто признаются в любви к матери. См., напр.: *Ма́тирь свою́я так люби́ла. Була́манэ́нькою, всэ́за нэ́ю пла́кала вычира́мы: боя́лась, шоб она́ны вмэ́рла* (станция Новомалороссийская). *Ма́ма прышла́: ну че вы? Разлома́лы б (курицу), мини́кусо́чек оста́вылы, а са́мы б ужэ́пойи́лы. Ни. Ждымо́ма́му. Обиза́тиль-но жда́лы ма́му. И мы внятех сида́им за сти́л* (станция Северская).

Мальчика, сильно привязанного к матери, в кубанских говорах с украинской языковой основой (далее — КГУЯО) называют украинизмом *ма-ми́й*. Лексема имеет ироническую коннотацию, поскольку такая зависимость порицается в диалектном сообществе. При этом эквивалентная номинация для девочки в КГ отсутствует — видимо потому, что тесная связь дочери с матерью воспринимается как естественная.

На базе корней МАТЕ[Э]Р-, БАТЬК/Ч- образованы ЛЕ, номинирующие сироту. Обращает на себя внимание дифференциация по признаку отсутствия отца / матери, не характерная для литературного языка (далее — ЛЯ): человека, не имеющего мать, в КГ называют *бе[ы]зма́те [э]рным*, не имеющего отца — *бе[э]зба́тченко, безба́тьковиной*. Ребен-

ка, у которого нет одного из родителей, — устойчивым выражением *полови́на сироты́*. Для наименования сироты в КГ используют также существительные *сиротю́к* (м. р.), *сиротя́тка* (м. /ж. р.).

Номинации детей в КГ входят в следующее словообразовательное гнездо с корнем ДЕГ- / ДИГ-: *дети́на*, *детенок*, *дети́(и́)нка*, *детю́шка*, *детю́шечка*. Детей в традиционных кубанских семьях было, как правило, много. Записаны многочисленные рассказы информантов, в которых они обращают внимание на многодетность как признак, отличающий прошлую жизнь от настоящей. См., напр.: *Симья́ была́ ба́льша́я, дите́й мно́га... и фси́йи́сты про́сят. Вот и пришло́сь мне с ра́нных лет батракава́ть. А батракава́ть — ни пе́сни спива́ть* (хутор Железный). *Ра́ньшы дитэ́й було́ у ка́жнам даму́шысть, сим, а то и вси́ дэ́вьять* (станция Старомышастовская). *А дитэ́й — ша́йка, ту́тачки бы́ли уси́: и Коломэ́нки́, и Рябоша́пки́. Дитэ́й бы́ло! По тро́е было́!* (станция Старокорсунская). *Дитвары́ тада́ памно́га бы́ла. У ка́жнам дваре́ на шэ́сть-семь рибити́шэк. Как сабире́мся у ку́чу, гамани́м...* (станция Тбилисская). *Ишо́ ба́бушка мая́ расска́завала. У йи́х бы́ла де́вить дите́й: читы́ри бра́та и пять сис́тер* (станция Успенская). У информантов вызывают одобрение государственные меры по поддержке семей с детьми, которых не было раньше: *Нам ниче́ны платы́лы, кагда́ мы дитэ́й вады́лы. А щас прывыла́ двух дитэ́й — ха́тка есть. Пу́тину благода́рнасть* (станция Тверская).

В собранных материалах зафиксировано диалектное наименование старшего сына — *старша́к* (станции Воронежская и Новолабинская). Самого младшего мальчика в семье (обычно позднего ребенка) номинирует серия широко бытующих ЛЕ с прозрачной внутренней формой: *после́дх, после́дыш, заскребыш, мызы́нец (ь), мазу́нчик, после́дышек, вы́шкребок*. Первые четыре лексемы воспринимаются как нейтральные. Эмоциональную окраску словам *мазу́нчик* и *после́душек* придают уменьшительно-ласкательные суффиксы -ЧИК и -УШЕК. В КГ существительное обладает расщепленной коннотацией: уменьшительно-ласкательной или иронической: *То́лик — мазу́нчик був: вин мла́тшый, и ма́тэ То́лика би́льшэ́ любы́ла* (станция Ахтанизовская). Появление негативной эмоционально-экспрессивной окраски обусловлено возможным употреблением этого слова как синонима выражения *маленькин сынок*: *Так и ру́ки че́шуца атлупи́ть э́тава мазу́нчика* (станция Динская). Существительное *вы́шкребок* имеет иронический оттенок, выражающий реакцию окружающих, в том числе старших детей, не одобряющих привилегированное положение в семье младше-

го ребенка, которого родители обычно любят больше остальных и балуют: *Вин вы́шкрыбок, его ны руга́ють, а нам достае́цця* (станция Ахтанизовская). Появление диалектных номинаций *вы́шкребок* и *заскребыш*, вероятно, ассоциативно связано с русской сказкой «Колобок», где дед и баба, пожелавшие иметь детей, «по амбару помели, по сусекам поскребли» и слепили колобок, который стал для возрастных родителей поздним ребенком.

Что касается наименования сына, то оно не имеет в КГ диалектных эквивалентов. Рождение сына в казачьей семье всегда считалось престижным. На сыновей давали землю, казачий *пай* «устар. основной земельный надел казака»: *А ра́ньшэ було́ ось як: на ка́ждого сы́на дава́лы зи́млю, свий пай був. Ось бога́то сынови́й було́ — бога́то було́ и зимли́. А у ко́го дивча́та булы́, той зимли́ нэ ими́в. Цэ було́ ти́кэ у казаки́в, а городовики́ цего нэ ими́лы* (станция Елизаветинская). *Бы́ла у на́с два сы́на да ате́ц из мужыко́ф. Вот на ни́х нам зе́млю и дава́ли. Три мужыка́ — три па́я. Ка́ждый пай — па шэ́сть гикта́раф* (хутор Железный). Совершенно очевидно, что у семьи, где было больше сыновей, было больше земли и работников. На Кубани зарегистрированы метафорические наименования сына — *план* и дочери — *сунду́к*, обусловленные особенностями казачьего общежития. Образные ЛСВ развились на основе диалектных значений лексем: *план* «земельный надел казака» и *сунду́к* «приданое дочери»; см. записанный в станице Дядьковской фрагмент беседы: *Повиту́ха дверь прыоткро́е и спро́сэ, хто роды́цця, з ву́лицы: «План чи сунду́к?». И получа́лось так, шо у и́х сунду́к, а план оды́н. А вот у Близнюки́в наоборо́т: тры сы́на и дочь — значит у и́х тры́ плана́ и оды́н сунду́к*. Приведенные примеры позволяют выявить у понятия *сын* этнокультурно обусловленные когнитивные признаки «благополучие» и «достаток».

Реакцией на рождение сына может служить ФЕ, равная по структуре предложению: *каза́цкому / каза́чьему ро́ду нет / нема́ перево́ду*. Приведем запись диалога, представленного в диссертации В. П. Чалова: — *Васи́ль, ты чув, шо Мары́я радила́ пазавчера? — Та ты шо? — Да, ма́льчика найшла́! — О, э́та харашо́. Каза́цкаму ро́ду нет пирыво́ду. Адни́м казако́м бо́льшы ста́ла* (хутор Александровский). Рождение сына как продолжателя рода остается предпочтительным и в наши дни. Сын воспринимается как опора родителям в старости. Многие женщины-информанты признавались, что хотели бы доживать старость в доме сына, напр.: *С сы́нам жыла́ как у Бо́га за двирьми́. Харашо́ жыла́...* (станция Отважная). Эта идея нашла отражение в пословице: *Лу́чше у сы́на пид столо́м, чем у зя́тя за столо́м*.

Среди диалектных слов, называющих *дочь*³³, наиболее частотен акцентологический вариант *дочка'*, который употребляется преимущественно в КГУЯО. Зафиксированы также существительные *до'ня, до'ця, до'черь*.

Единичную фиксацию имеет лексема *старшу'ха* «старшая дочь». Младшую дочь носители местных говоров могут называть нейтральными диалектными словообразовательными вариантами *меньшу'ха, меньша'чка*. Следует отметить, что суффикс — УХ(А) далеко не всегда несет экспрессивную нагрузку. См., напр.: *молчу'ха* «молчунья», *спеву'ха* «певунья» и др. Квазисинонимом приведенных лексем является диалектизм *заскребушка*, который не только эмоционально окрашен, что находит отражение в суффиксе -УШК-, но и имеет дополнительные дифференциальные семы: «обычно поздний ребенок».

Следует отметить, что рождение дочери было не таким радостным событием, как рождение сына. Это связано с необходимостью отдавать дочь в чужую семью, собирать ей приданое, что нашло отражение в поговорке *Дочка' — цэ дыря'вый чува'л* (*чува'л* 'мешок'). См. также номинирующий дочь фразеологизм *това'р недо'машний*. В местных говорах лексема функционирует в значении «девочка, дочь» и обладает иронично-шутливой коннотацией: — *Ну шо, жы'нка вжэ роды'ла?* — *Та, опья'ть шэрэ'на* (станция Вышестеблиевская).

В КГ зарегистрированы диалектные наименования близнецов: *близнюкы'* (обычно мн., ед. *близню'к*), *близня'та* (ед. нет). Близнецов женского пола называют *близня'чки* (обычно мн., ед. *близня'чка*). Диалектные фонематические варианты представляют собой существительные *двоя'шки(ы)*, *двое'шки(ы)* (чаще мн., м. и ж. *двоя'шка, двое'шка*), *троя'шки*, номинирующие двойнят и тройнят соответственно. У этих лексем концептуальных приращений не выявлено.

Презрительную оценочную характеристику обнаруживают диалектизмы *байстрю'(у')к, байстрю'(у')чка, жигуча'нник* «незаконнорожденный ребенок». Слово *байстрю'(у')к* заимствовано через польский из немецкого [ЕСУМ, 1982–2012, I, с. 118]. Есть данные, что слово изначально принадлежало воровскому жаргону [Даль, I, с. 53]. Существительное *же(и)гуча'нник* имеет прозрачную внутреннюю форму: на Кубани функционирует однокоренная лексема *же(и)гу'чка* «крапива» (ср. лит. *крапива* — *крапивник* «внебрачный ребенок», эквивалент в чешском языке дословно переводится как «рожденный в крапиве» (см.: [Фасмер, II, с. 367])).

³³ В местных говорах существительное *дочь* может выступать в функции обращения к женщине любого возраста.

Нейтральными синонимами приведенных лексем выступают словообразовательно-грамматические варианты, обладающие структурной и семантической мотивированностью, — *безба'тченко, безба'тьковщина*: *Булы' бэзба'тчинки. Бэзба'тчинко — ба'тько бро'сыл и'лице. Ах, ты, бэзба'тчинко!* (станция Дядьковская). *У систры' ужэ' бывхло'пиц нагу'лянный. Бизба'тьковщина* (с. Новопавловка). Во время экспедиции в станицу Копанскую (2010 г.) записаны ФЕ *девча'чий сын* и *девча'чья дочь*, номинирующие детей, которые рождаются у молодой девушки, не вышедшей замуж. Как отмечается в словаре «Славянские древности», «использование матронима в наименовании ребенка носит уничижительный характер и указывает на его незаконное происхождение» [Славянские древности, 1995, с. 204]. Следует отметить, что на Кубани отношение к детям, рожденным вне брака, было неодинаковым. См., например: *Цэ як у старовыну' байстрюко'в, их я'кось прызира'лы, а сийча'с э'того нет. А в старовыну' да'жэ ма'тэрь ссыла'лы на ссы'лку на тры'цать лит, шоб ны ба'чила дитыну, е'сли ты прыжыла'. Э'то було' у на'с, у Дя'дьковской, у старовыну'* (станция Дядьковская). *Умэ'нэ сын дивча'чий. Ну шо. Ма'ма каза'ла: «Суме'ла придба'ть — воспи'тывай»* (станция Копанская).

Приведенный языковой материал отражает культурно релевантную концептуальную информацию и демонстрирует, что большое количество детей в семье обусловило необходимость их категоризации, отражающейся в ряде концептообразующих признаков: состава семьи (воспитывающийся в полной семье — воспитывающийся в неполной семье), правового (рожденный в браке — рожденный вне брака), возрастного (старший — младший), количественно-временного (первый — последний — поздний) и эмоционально-оценочного (ласковое, шуточно-ироническое, неодобрительное).

Дети осмысляются в народном сознании как когнитивная доминанта концептуального поля «Кровные родственники». Важность иметь детей находит отражение в пословицах и поговорках. Приведем их в высказываниях информантов: *Я кажу' вну'чки: «Рожэ'йтэ дитэ'й! Ха'та бэз дитэ'й шо каву'н бэз мя'коти»* (станция Елизаветинская). *Я вам, дивча'та, так скажу': челови'к нэ на ви'к, а ди'ты до гро'ба. Ди'ты — цэ для жэ'нщины са'мэ гла'внэ* (станция Старомышастовская). Показательно, что страшным проклятием в КГ является выражение *нэ ба'чить тоби' сво'го дыты'ны*. В традиционной кубанской семье дети, представляя собой высшую ценность, выступают в качестве скрепляющей основы семьи. Они воспринимаются и как долг перед Господом, и как Божий дар, выражая собой присутствие в семье Святого Духа, под защитой которо-

го находятся: *Ка́жуть лю́ды: колы́ мала́ дыты́ на па́дае, Бох йи́и со́ло́мку пы́дсти́ла́е* (станция Новомалороссийская). См. также паремии: *З диты́мы го́рэ, а биз дитэ́й вдво́е. Укого́ ди́ты, у того́ и смих*. В сознании диалектоносителей дети — опора в старости. Эта идея актуализируется в бытующей на Кубани пословице, функционирующей в двух вариантах: *Дожда́лась су́чка по́мочи: сама́ лыжы́ть, а цуцы́ня та га́вкють. Цэ́ як ди́ты пы́драслы́ да ста́лы помога́ть* (станция Новомалороссийская). *Як ка́жуть: «Дажда́лась су́чка по́мачи: начали́ ку́тиня та га́вкать»* (станция Бородинская).

В фольклорных текстах подчеркивается, что воспитывать ребенка необходимо с раннего детства. См., напр.: *Дытэ́й на́до воспы́тувать, покы́ воны́ мали́. Ще́ е така́ пи́сня: «Ой, нэ́нько моя, а я ж до́чка твоя́, тоди́ було́ бы́ты, вчи́ты, як манэ́нька була́»* (станция Динская). *Покы́ воны́ мали́, уси́ хоро́щи. Пра́вду ка́жуть: га́рна Горны́на, пока́ дыты́на. А повы́роста́ють, так куды́ шо дива́и́ця. Вжэ́ нэ́ такы́ хоро́щи* (станция Елизаветинская). *Дыты́ну воспи́туй, покы́ попэ́рэ́к кро́вати лэжы́ть* (станция Старотитаровская). В диалектном сообществе осуждаются родители, не занимающиеся воспитанием детей, *расту́щих как бурья́н в по́ле / в степу́: Уме́л роди́ть — не уме́л уму́-ра́зуму научи́ть*.

Многие информанты вспоминают, что в период становления колхозов родители воспитанием детей практически не занимались, поскольку работали с утра до позднего вечера. Детей воспитывала *площа́дка «детский сад»*: *Па́пу ждэм-ждэм — нэ́ма́е. Вин идэ́ тэ́мно и прыхо́дэ́ тэ́мно* (станция Гривенская). *Ма́тэ́ адна́, а нас шэ́стэ́ро. Ма́тэ́ рабы́ла в калхо́зи. Аны́ взялы́ фсю́ тя́жбу мушску́ на сэ́бэ́* (станция Динская). *Ради́ тили́й забра́лы, априди́ли лы́ у калхо́с, а на́с тро́и астало́сь. Васи́тувала́ плаща́тка, пато́м калхо́с васпи́тувал, пато́м рабо́талы* (станция Новомалороссийская). *А ра́ньшы́ булы́, называ́лысь «площа́ткы»*. *Туды́ зво́дылы́ ди́ток. Их там и кормы́лы, а ма́мы робы́лы у колхо́зи з утра́ до но́чи* (станция Новоцербиновская). *А роды́тэ́ли робы́лы от позна́ до позна́. Мы йих нэ́ ба́чили. Цэ́ бул пра́знык якы́й, е́сли мы ма́му поба́чим* (станция Старонижестеблиевская).

Часто детей приходилось брать с собой в поле, где за ними присматривала нянька: *Сте́нь далико́ была́ ад дамо́ф. Балга́ны у та́барах спа́са́ли нас кре́пка. И ад дажэ́й, и дите́й та́ма мо́жна бро́сить. Приби́х, пакарми́л грудно́ва и апя́ть рабо́тай. Дите́й-та у сте́нь за са́бо́й тину́ли (до́ма бро́сить не́на ка́во)́. А там, у балга́нах, ня́ньку диржа́ли* (станция Тбилисская). Нянькой могла быть одна из матерей,

отсюда диалектный глагол *мамкува́ть* 'присматривать за детьми, матери которых взяли их с собой в поле': *Тоди́ нэ са́дик був, а е́здили мамкува́ли у по́ли* (с. Новопавловка).

Однако роль семьи в воспитании подрастающего поколения в сознании диалектоносителей осталась неоспоримой. Народ глубоко убежден: то, каким человеком ребенок вырастет, во многом зависит от семьи, от личного примера, который подают ему отец и мать. Эта мысль находит отражение в следующих паремиях: *У яко́й ма́тэри со́висть як скло́, у то́й и сын хоро́ш* (хутор Братский). *Якы́ кори́нья, такы́ насинья́* (станция Динская). *Я́блоко от я́блони далеко́ нэ ко́тэця́. Яка́ ма́мка, так а́ и ля́лька* (станция Старонижестеблиевская). См. также фрагмент беседы с информантом: *Сава́ нэ вы́лупэ сокола́, а тако́ва ш вытрышкоо́кова, як сама́. По́няли, што сказа́л? Ну э́та ш са́мая практи́чески пасло́вица, што я́блака ат я́блани нидалико́ па́да-ет. Вытрышкоо́кий — з бальшы́ми глаза́ми* (станция Натухаевская).

О воспитании детей в послевоенные годы свидетельствуют воспоминания информантов о стереотипизированных бытийных ситуациях, когда после гибели отца на фронте детей растила одна мать. См., напр.: *За́миж я ны выхо́дыла, одна́ воспи́тувала дитэ́й* (станция Камышеватская). *Ни було́ у на́с де́цтва. Так шо мы ни ба́чили ни ла́ски ни ска́ски, ни конфе́т я ни зна́ла, я их ни и́ла. Я роди́лася ужэ́ бис па́пы, па́па поги́н, так би́дной ма́мы доста́лося...* (станция Старощербиновская). *Ма́ма пражыла́ адна́ с на́мы. Куды́ с тако́й кагало́й, куды́ ще за́муш* (станция Тверская). *Па́па с вайны́ нэ пришо́в, а на́с пять душ аста́лася. Ну и нэ выхо́дила ма́ма за́муш* (хутор Хатукай).

Детей в кубанских семьях рано приучали к труду. Приведем высказывания информантов: *Быва́лача, ма́ма ска́жить: «Дивча́та, иди́ти кизе́ки де́лать!» И мы идем* (станция Геймановская). *Я стара́лася, шоб у мэня́ де́ти бы́ли тру́долубы́мые* (хутор Незаймановский). *Ди́ты и свине́й па́слы, и коро́ф* (станция Сергиевская). *Ма́мка загада́е: во тэ́ парабы́тэ, во тэ́ парабы́тэ. А мы стара́имся, ро́бым як угорэ́ли* (станция Стародеревянковская). *Була́ ма́ма. Она́ мини́ як загада́е рабо́ты: и шоп кукуру́зу пополо́ла, шоб доли́вки пома́зала* (станция Староджерелиевская). *Ма́ма нас бра́ла пропа́лювать хлопо́к. Булы́ зады́рки на па́льцах, но помога́лы взро́слим* (станция Старотитаровская). *Як батько́ робыв, так и тэбэ́ учив* (станция Старотитаровская). *Я воды́л трусо́в в де́цтви* (Усть-Лабинск). *Хади́ла па на́ймах па́сти каро́в, па́сти бара́шык. Я нэ по́мню ужэ́, па ско́ка у де́нь. Ну тагда́ ш булы́ де́ньги — пять рубле́й! Цэ́ ты шо! Цэ́ бага-*

чи́. Я ма́мки аддаю́. Я бо́льшы каро́в па́сла (аул Хатукай). В шко́лу ходы́лы ны уси́ди́ты. Ди́ты пособля́лы роди́тэлям у по́ли, на ого́ро́дах, до́ма управля́лыся со скоты́ной или робо́лы батрака́мы у кулаки́в (с. Шабельское).

Родители стремились передать детям свои трудовые навыки и умения, о чем свидетельствуют многочисленные контексты. См. напр.: Ба́бушка пря́ла, ма́ты пря́ла, и мынэ́ до пря́тки поста́вылы (с. Большой Бейсуг), Тоди́ нас ны учи́лы — учи́лы пря́сты. Пря́тка, грэ́пка, вэ́рэтешку пряду́ть. Расче́шыш рука́мы, на грэ́бни чиса́лы (станция Сергиевская). Мать моя́ була́ тка́ля и ба́бушка то́жэ, а я ни пря́ла, ткать уме́ю (станция Старомышастовская). Ра́ньшэ, да, нас учи́лы матэ́ря. Я скажу́ за сэ́бэ: я от ни́тки до го́лки бу́ду робо́ть, и мушску́, и жэ́нску, я люблю́ рабо́ту бу́ду робо́ть (станция Старотитаровская).

Родители прививали детям традиционную песенную культуру, что для кубанских казаков чрезвычайно важно: Пляса́ть ни пляса́ла ма́мка, а спиву́ха была́ (станция Бесскорбная). Ба́тько був та́кы́й спиву́н, и ма́мка то́жэ спиву́ха, ны да́й Бох! (станция Пластуновская). У на́с ма́ма хорошо́ спива́ла, и мы бага́то пе́син похвата́лы од ма́мы (Славянск-на-Кубани).

Зарегистрированные контексты демонстрируют уважительное отношение детей к старшим: Де́ти вот ни магли́ са ста́ршым ни паздаро́вкаца (станция Архангельская). Да́жы сты́дна, е́сли я ни паздра́ствуюсь са ста́ршыми. Вот нильзя́ бы́ла ни паздра́стваваца са ста́ршым (станция Архангельская). На́до прыуча́ть дитэ́й здо́рово́вкаца зма́лку (станция Стародеревянковская).

В казачьих семьях детей воспитывали в христианских традициях. Приведем показательные высказывания информантов: Маи́ ради́тили бы́ли глупако́ве́рующи́и. У на́с была́ бажни́чка. Вот э́та, ана́ в углу́ висе́ла. Там лампа́тку ма́ма зажыга́ла. И эта мали́лися, ну и на́с приуча́ли (пос. Ильский). У мене́ и ба́бушка хади́ла у цэ́ркву, пе́ла на кры́ласи, и ате́ц мой пел на кры́ласи, када́ па́рним был и ужэ́ жыни́лся. И я хади́ла у цэ́ркву, мы там на кры́ласи пе́ли. А типе́рь я ни э́та... (станция Кубанская). Шы́сто́ва января́, кану́н носы́лы — вэ́че́рю. Бува́ло, идэ́ш, нэ́сэ́ш куттю́ ба́бушки з де́душкой (станция Мингрельская). Як дочку́ отдава́лы роди́тили, то дава́лы ма́ты ико́ну Ма́тэрь Бо́жью (станция Новощербиновская). Носы́лы свя́ты́ть вэ́рбу у цэ́рковь, прыхо́дылы и бы́лы дитэ́й. Цэ́ мы каза́лы: «Стебать вэ́рбой» (станция Старонижестеблиевская). Сабира́имся симьей на Ражы́ство, э́та как зако́н (Усть-Лабинск). В семье не принято было использовать обценную лексику, что подтверждают диалек-

тоносители. См., напр.: *Ни чу'яла я от па'ны ру'гани. Уйи'х во э'та — «би'сова душа'», бо'льшы ниче, ни руга'ли, вот «би'сова душа'»* (с. Львовское).

Детям не потакали, воспитывали в строгости. Существующие стереотипные представления о том, что физические наказания или запреты характерны для отцовского воспитания, в наших материалах не находят подтверждения. Записанные контексты демонстрируют, что наказывали детей как отец, так и мать. Ср.: *А батя'ня у миня' стро'гий был: чуть што' ни та'к, за хварасту'ну и фпирет* (станция Архангельская). *Ба'тько вам чирте'й налата'е!* (станция Батуриная). *Ось ба'тько пры'йдэ, так ви'н тыби' дасть прочуха'нky* (станция Новокорсунская). *Ба'тько ка'жэ: «Як вазьму' бати'х, та пакажу' за'миж!»* (станция Старомышастовская). *Нашыва'й на сра'ку кожу'х, бо ба'тько ско'ро прыйи'дэ* (станция Старотитаровская). *Е'сли ба'тько узна'е, шо вин ку'рэ. ба'тько его' так оддухонэ'лыть, дасть духонэ'ли* (станция Старотитаровская). *Ба'тько мэнэ' за воло'стья ухватыв' да батиго'м по спыня'ки* (хутор Тополи) — *Ма'мка мэнэ' бату'раю, ну батаго'м, бату'раю, свэ'рху як пырытяну'ла — и ны пла'чь, ны скавчи', патаму'шта мо'жэ ще атпаро'ть* (станция Бородинская). *Вы'гоным каро'в за ри'чку и ото'ля'жым и спымо'.* И зали'зла каро'ва в гаро'т. *Ма'ма взя'ла дубэ'ць, та дубэ'м э'тим снача'ла и в уго'л мэнэ' поста'вила* (хутор Верхний Адагум). *Би'ла мини'ма'ма холуди'ною, шо я йие'нэ послу'хала* (станция Динская). — А если парень или девушка вернулись поздно домой? — *Та, шо, ма'ты мо'жэ вереуки дать. Тоди' веревкамы бы'лы* (станция Дядьковская). *Ма'ма как приде'ть, так накро'еть ругачем* (станция Зассовская). *Ни убиремся, так мать выхлобу'чки дать мо'жэ, ну поруга'ть* (станция Копанская). *Ма'мка мне дава'ла лунаре'й, лупы'ла: я ста'рша. Кто винова'т? Ста'рша* (хутор Красный). *Мать пры'йдэ з робо'ты, вона' вам хвоста'налома'е* (станция Новокорсунская). *Мы ла'мпы (керосиновые) мы'ли, пузырек ве'чна разбива'ли. Мать нам дава'ла ды'му* (станция Передовая). *Уминя'ма'ма стро'гая была': как чуть прагуля'ла, так даст за'сова на башке'* (станция Родниковская).

Между тем жестокость по отношению к детям носителями КГ осуждалась. См., напр.: *Ны одна' звыры'на ны здыва'ицця над своейи'мы дитьмы', як та ма'ты* (станция Азовская). *Па'па бил миня'ни за што'.* *Када'сь быко'ф пасла'и забале'ла. Ни по'мню, как дамо'й дашла'.* Так он мене' как састига'л усю'кнуто'м (станция Геймановская). *Па'па ниче, а ма'ма як сатана', як ка'жутъ, як жывы'й сатана'* (хутор Куликовский). Зарегистрированы контексты, где информанты признают спра-

ведливость физических наказаний. См., напр.: *Як нача́в ба́тько мини́стиба́ть! Було́ за шо́* (станция Старомышастовская).

В записанных контекстах не одобряется привередливость современных детей в еде. Представители старшего поколения, пережившие голод, не могут принять избирательное отношение к пище. См., напр.: *Та ра́ньшы ди́ты йи́лы, а ща́с так ла́ндайиш: «Ку́шайти, ку́шайти!»* (хутор Братский). *У на́с так було́: шось свары́лы однэ́, похлиба́лы, да и гато́ва. А щас до́чка: Нату́ля то бу́дэ йи́сты, Анто́ша — то. Вот ана́ им выгажда́е* (станция Нижегородская). Информанты подчеркивают, что им с детства прививали уважение к хлебу: *Васпи́тывались: ни лама́ть кусо́к ат хлибы́ны — жды, нака́атри́жуть* (с. Большой Бейсуг). Обращают на себя внимание многочисленные контексты о стереотипизированных ситуациях, когда дети сами добывали себе пропитание. См., напр.: *Мы поро́бым з якы́х-нэ́бу́ть тря́пок волочкы́ и пи́дэм ловы́ть ра́кив* (станция Запорожская). *Ма́ма боли́ла моя́. Ну шо́ я? И ра́кы ловы́лы — кормы́лыся, и ры́бу ловы́лы пыд обры́вом. Лед ы́ще, а мы ли́зым у во́ду, такы́й волочек у на́с ма́линский, ли́зым у во́ду* (станция Старотитаровская). *Шнуры́ на ре́чки жы́ву́ть, у сте́нки, у бирига́х. Их называ́ють «шнур», и́ли «щур». Мы их па́цанами выта́скивали атту́да, щипа́ли, на кастре́жа́рили и е́ли* (станция Успенская).

Диалектоносителями не приветствуется участие детей в разговорах взрослых: *За столо́м з ди́дом бала́каим, а внук (вин в ня́том кла́сси) влиз в наш разгово́р. А дид и ка́жэ: «Твое́ ди́ло тэ́ля́че: пососа́в и в базо́к. Сыды́ и нэ́ вми́шуйся, як ста́рщи балака́ють»* (станция Вышестеблиевская). *Е́сли го́сти прыйшы́, всих дитэ́й загна́лы на пи́чь, занави́сочку задернули. Як ти́кэ вы́глянулы, бэ́рэ ба́тько бати́х, ти́кэ стеб! Все, захова́лысь. А сича́с стебны́, так ще пид су́т попа́дэ́ш* (станция Пластуновская).

Характерной особенностью рассказов информантов является их стремление сопоставлять старое воспитание с современным не в пользу последнего. См., напр.: *А щас, поды́вышся: молодеи́ робы́ть нэ́ хо́че, вси ти́ко би́зьнисом бы заныма́лыся* (с. Братковское). *Я уну́ка отруга́ла, шоб нэ́ ба́ловався, а ему́ и байдю́жэ* (станция Васюринская). *Загоны́ сича́с на пичь дыты́ну, так она́ тоби́ и глаза́ повыдыра́. А мы — на пичи́. Ты шо́! У на́с ру́сськи пе́чи: як ка́ша була́ зако́пана, там вси ди́ты* (станция Дядьковская). *Гуля́ть мы тоди́ ду́жэ нэ́ гуля́лы, як щас гуля́ють, ба́йдакы бьють. Двина́цать лит — ужэ́ робы́лы в колхо́зи* (станция Калининская). *Учу уну́ка здорова́цця, а вин як баран* (станция Марьянская). *На́шы батькы́ мо́лылыся и дитэ́й навча́лы. Нэ́*

то́, шо тэпэ́р (станция Черноерковская). Диалектоносителями осуждается чрезмерная опека детей, которой не было раньше: *А тэпэ́рь одного́ ро́дэ, и Бо́же мий, и боли́е, и боли́е. И того́, и сяго́. А тоди́ хто их па́нькал, тих дитэ́й?* (станция Дядьковская). *А ра́нки... взяла́ пыля́кою засы́пала и пишла́, и здоро́ва. А вечером: чи бо́льно, чи ны бо́льно — нихто́ ны спро́сэ: «Ты ба́ныла но́гы?» Як ходы́ла, так ы спать лягла́* (с. Шабельское).

О родительской доле, которая трудна во все времена, говорят бытующие на Кубани пословицы, выражающие одинаковый смысл, но различающиеся лексическим наполнением. Приведем некоторые в местной огласовке: *Мали́ ди́ты спать нэ даю́ть, а вы́растуть — сам нэ заснэ́ш* (станция Елизаветинская). *Мали́ булы́ ди́ты, спать не дава́лы, а повыраста́лы, життя́ не даютъ. Малы́ де́ткы — малы́ бе́ткы, де́ткы побольша́ють — го́рэ пошы́рша́еть. Мали́ ди́ты — мали́ кло́поты* (станция Старонижестеблиевская). *Мали́ ди́ты спать ны даю́ть, а здоро́ви ды́хатъ ны даду́ть* (станция Старотитаровская).

К кровным родственникам относятся братья и сестры. Существительные с общей интегральной семьей «брат» образуют в КГ гиперогипонимическую парадигму с диалектными гиперонимами *брате́льник, бра́тка, брату́шка*. Эмоционально-оценочной характеристикой, которая создается благодаря суффиксам -ЕЛЬНИЧЕК, -ИЧЕК, -УШЕЧК(А), обладают существительные *брате́льничек, бра́тичек, брату́шечка*. Гипонимами выступают лексемы *брата́н* «родной брат», *брате́нь, бра́тка* «старший брат». Как известно, родовидовые отношения могут быть межсловными и внутрисловными. Примером внутрисловных родовидовых отношений является семантическая структура существительного *бра́тка*. Первый ЛСВ «брат» выступает гиперонимом: *А бра́та называ́ли «бра́тка»* (станция Архангельская). *«Бра́тка» называ́ют дваю́радних, траю́радних* (станция Малотенгинская). *Брат паги́н в вайну́ ади́н, а друго́й мла́тишый был. Я йиво́ то́жэ «бра́тка» зва́ла, Алексе́й-бра́тка* (станция Надежная). Второй ЛСВ «старший брат» — гипонимом: *«Ня́нькою», «бра́ткою» ста́рших называ́лы* (с. Новопавловка).

Лексема *брат* входит в ряд зарегистрированных в КГ паремий, которые позволяют выявить концептуализированные приращения у данного понятия в диалектной картине мира (далее — ДКМ). Так, в поговорке *Ѓолод не свой брат* имплицитно выражается традиционное представление о том, что брат всегда проявляет заботу, оказывает помощь и поддержку. Двойственно возможно трактовать поговорку *Челови́ку жы́нка ну́жна здоро́ва, а бра́ту систра́ бага́та* (станция Елизаве-

тинская): с одной стороны, брату выгоднее иметь состоятельную сестру, не нуждающуюся в его материальной поддержке, с другой — брат сам может желать помощи со стороны сестры, предпочитать ближе общаться с родственниками, живущими в достатке. «Меркантильное» осмысление поговорки поддерживается смысловым параллелизмом с ее первой частью. В КГ функционируют паремии, в которых имплицитно или эксплицитно отражается такая важная смысловая доминанта ДКМ, как наличие одинакового статуса (социального, материального, умственного и др.) у друзей и родственников, напр.: *Свой своему' понево'ле брат. Аво'сь небо'сю ри'дный брат. Би'дный дурно'му брат ри'дный.*

Языковой материал демонстрирует, что лексема *брат*, образуя гендерно оппозиционную пару с существительным *сестра*, отличается количеством производных и большей частотностью в составе паремий. Полагаем, что данная особенность является проявлением общей тенденции преобладания в КГ существительных, номинирующих лиц мужского пола.

Общенародное существительное *сестра* имеет в КГ один диалектный акцентно-словообразовательный вариант — *сестру'нька*. В общекубанский лексический пласт входит семантический диалектизм *ня'ня* «старшая сестра» и его дериваты — *ня'нечка*, *ня'нька*. Появление диалектного значения у общенародного слова обусловлено тем, что старшая сестра часто была для младших братьев и сестер нянькой. Двоюродных братьев и сестер называют акцентологическим вариантом — *двоюро'дные*.

Кровными родственниками являются братья и сестры родителей. Брата отца или матери в КГ называют общенародными словами *дядя* и *дядька*. Существительное *дя'дька* Словарь русского языка дает с пометой *уничижительное* [Словарь русского языка, 1981–1984, I, с. 626]. В речи жителей кубанских станиц эта лексема обычно употребляется как нейтральная, хотя носители диалекта могут использовать ее и с оттенком уничижения. Ср.: *У на'с дя'тька харашо' пел* (станция Архангельская). *Сва'тат' хади'ли дя'тька и жы'нка йиво'* (станция Вознесенская). *Мы дя'тьку люби'ли* (станция Ладожская) — *У ба'бушки два сы'на: дя'дя Пе'тя и дя'тька Ва'нька. Дя'дя Пе'тя вае'нным стал, а дя'тька Ва'нька — пня'ница* (станция Динская). Общенародное слово *дядя* входит в состав устойчивого выражения, обладающего иронической коннотацией, — *дя'дя, пада'й ру'чку* «о высоком человеке». Как известно, существительное *дядя* часто используется в речи ребенка в роли обращения к любому взрослому мужчине, что вызывает детскую ассоциацию с высоким, большим человеком. Синонимом диалектной ФЕ вы-

ступает в КГ диалектизм *дядя́га*, в котором указанное значение актуализируется с помощью суффикса -ЯГ (А).

Нейтральную коннотацию обнаруживает и существительное *тетка*. Приведем его в показательных контекстах: *Тетка пырышы́е то ю́почку, то ко́хточку* (станция Копанская). *Со шпа́нки моя́ тетка ва́рэ до́брэ варэ́нне* (станция Марьянская). *Тетка не́сильница дю́жэ хоро́ша была́* (станция Новотитаровская). Нейтральная коннотация слова *тетка* поддерживается и широкой бытующей на Кубани пословицей *Го́лод не тетка: пирожка́ не подсу́нет*, употребляемой, как правило, в усеченном виде. В приведенной паремии отражается следующая смысловая доминанта: *тетка* — это человек, который заботится, кормит, оказывает помощь.

Зарегистрированы диалектные наименования племянника и племянницы, являющиеся структурными вариантами слов ЛЯ, — *племэ́(и́) нни(ы)к*, *племе́(и́) нни(ы)ца(я)*, ласк. *племенушка*. Следует отметить, что в КГ вербализованные этими лексемами понятия не подверглись концептуализации.

В «Опыте словаря...» зафиксировано существительное *прыма́чка* «женщина или девушка, живущая у родственников; нахлебница»: *Пры́ни́с Бох оцю́ прымы́чку: а то свои́х мэни́ ма́ло* (хутор Тополи). Лексический диалектизм, как и слово *прыма́к* «муж, живущий в доме жены», образован от глагола *прыйма́ть* «принимать». Появление негативной коннотации у лексемы *прыма́чка* обусловлено как экстралингвистически (*прыма́чка* — лишний рот в семье), так и интралингвистически («коннотативное» притяжение с однокоренным существительным *прыма́к*, имеющим ярко выраженную презрительно-ироническую окраску).

Итак, лексические и паремиологические единицы, корпус устных высказываний, описывающих стандартизированные бытийные ситуации, позволили выявить объективную информацию, отражающую лингвокогнитивную сущность кровных родственных отношений в ДКМ жителей Кубани. Будучи основной частью экзистенции, лексика и фразеология кровного родства образуют в КГ устойчивый в функциональном отношении лексико-фразеологический пласт. Конституенты концептуального микрополя «Кровные родственники» обнаруживают разный когнитивный потенциал: одни понятия получили в народном сознании приращенные смыслы, другие не концептуализировались. Коннотативное содержание репрезентантов данного микрополя обусловлено стереотипизацией роли и положения кровных родственников в семье, их взаимоотношений и качеств, важных в сознании носителей КГ.

Когнитивной доминантой микрополя «Кровные родственники» выступают дети, что во многом предопределяет необходимость их категоризации, проявляющейся в ряде релевантных концептообразующих признаков. Зафиксирована этноспецифичная бинарная оппозиция *деды́ — внуки*, не сформированная в ЛЯ. Этноспецифику описанного микрополя составляют диалектные номинации, не имеющие аналогов в лексико-фразеологической системе литературного языка. Выявленные средства репрезентации исследованного микрополя участвуют в формировании региональной языковой картины мира, выражая присущий данной этнокультуре образ отношений между кровными родственниками, содержащий как архаические, так и современные представления носителей КГ.

Библиографический список

Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Лингвокогнитивная сущность родственных отношений в диалектной картине мира жителей Кубани (на примере микрополя «Кровные родственники»). Часть 1 // Филология и человек. 2022. № 1.

Ткаченко П. Кубанские пословицы и поговорки. Краснодар, 2008.

Чалов В. П. Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Словари

Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион Кубани. Армавир, 2009.

Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Фразеологический словарь говоров Кубани. Армавир, 2006.

Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар, 2018.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989–1991.

Котелевич А. Н. Скаже, як вліпэ: пословицы и поговорки станицы Старотитаровской. Рукопись.

Лексика и фразеология говоров кубанского линейного казачества: материалы к словарю-справочнику. Армавир, 2019.

Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1992. Деп. В ИНИОН РАН. № 47266. (РГК).

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 1995–2012.

Словарь русского языка: в 4-х т. М., 1957–1961.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб., 1996.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ, 1982–2012.

References

Borisova O. G., Kostina L. Y. *Lingvokognitivnaya sushchnost' rodstvennykh otnosheniy v dialektnoy kartine mira zhiteley Kubani (na primere mikropolya "Krovnye rodstvenniki") (chast' 1)*. [The linguocognitive essence of kinship relations in the dialect picture of the world of Kuban residents (on the example of the micropole "Blood relatives") (part 1)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2022. No. 1.

Tkachenko P. *Kubanskije poslovitsy i pogovorki*. [Kuban proverbs and sayings]. Krasnodar, 2008.

Chalov V. P. *Istoriko-lingvisticheskiy ocherk frazeologii kubanskogo kazachestva, otrazhayushchij ego istoriyu, voennyj byt i duhovnuyu kul'turu*. [Historical and linguistic essay on the phraseology of the Kuban Cossacks, reflecting its history, military life and spiritual culture]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Moscow, 1981.

Dictionaries

Andryushchenko V. I., Ivanova R. I., Ivanova T. G., Pelih V. M. *Slovar' kubanskih govorov. Krasnodarskiy kraj: vostochnyy region Kubani*. [Dictionary of Kuban dialects. Krasnodar territory: Eastern region of Kuban]. Armavir, 2009.

Andryushchenko V. I., Ivanova R. I., Ivanova T. G., Pelih V. M. *Frazeologicheskiy slovar' govorov Kubani*. [Phraseological dictionary of Kuban dialects]. Armavir, 2006.

Borisova O. G. *Opyt slovarya kubanskih govorov*. [Experience of the Kuban dialect dictionary]. Krasnodar, 2018.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vols. Moscow, 1989–1991.

Kotelevich A. N. *Skazhe, yak vlipe: poslovitsy i pogovorki stanitsy Starotitarovskoy*. [He will say how he will slap: proverbs and sayings of the village of Starotitarovskaya]. Manuscript.

Leksika i frazeologiya govorov kubanskogo linejnogo kazachestva: materialy k slovaryu-spravochniku. [Vocabulary and phraseology of dialects of the Kuban linear Cossacks: materials for the dictionary-reference]. Armavir, 2019.

Russkiy govor Kubani: slovar'. [Russian dialect is the Kuban]. Ed. by E. P. Shejninoj and E. F. Tarasenkovo. Krasnodar, 1991. Dep. in INION Russian Academy of Sciences 12. 11. 1992, No. 47266.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Moscow, 1995–2012.

Slovar' russkogo yazyka. [Dictionary of Russian]. In 4 vols. Moscow, 1957–1961.

Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. St. Petersburg, 1996.

Etimologichnij slovník ukrain'skoj movi. [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. In 7 vols. Kiev, 1982–2012.